

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАНТАШЯН СОНА АРМЕНОВНА

**ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ,
КАСАЮЩИХСЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ АРМЕНИИ,
ПОДПИСАННЫХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук
по специальности 12.00.06 – «Международное право»

ЕРЕВАН-2021

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ՄԱՆԹԱՇՅԱՆ ՍՈՆԱ ԱՐՄԵՆԻ

**ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՏԱՐԱԾՔԱՅԻՆ ՇԱՀԵՐԻՆ ՎԵՐԱԲԵՐՎՈՂ XX ԴԱՐԻ
ՍՎՋՔԻՆ ՍՏՈՐԱԳՐՎԱԾ ՊԱՅՄԱՆԱԳՐԵՐԻ
ՎԱՎԵՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԽՆԴԻՐԸ**

**ԺԲ. 00.06 - «Միջազգային իրավունք» մասնագիտությամբ
իրավաբանական գիտությունների թեկնածուի գիտական աստիճանի
հայցման ատենախոսության**

ՍԵՂՄԱԳԻՐ

ԵՐԵՎԱՆ-2021

**Тема диссертации утверждена в
Ереванском государственном университете**

Научный руководитель: доктор юрид. наук,
профессор **В. А. Оганесян**

Официальные оппоненты: доктор юрид. наук,
профессор **П. Н. Бирюков**
кандидат юрид.
наук **Л. А. Еремян**

Ведущая организация: **Ереванский государственный университет**

Защита диссертации состоится 19-ого июля 2021 г. в 12⁰⁰ часов на заседании Специализированного совета ВАК 001 по юриспруденции при Ереванском государственном университете (0025, г.Ереван, ул.Алека Манукяна 1).

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научных работников библиотеки Ереванского государственного университета.

Автореферат разослан 8-ого июня 2021 года.

**Ученый секретарь специализированного
совета:** кандидат юрид. наук, доцент

Т. О. Суджян

**Ատենախոսության թեման հաստատվել է
Երևանի պետական համալսարանում**

Գիտական ղեկավար՝ իրավաբանական գիտությունների
դոկտոր, պրոֆեսոր **Վ. Հ. Հովհաննիսյան**

Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝ իրավաբանական գիտությունների
դոկտոր, պրոֆեսոր **Պ. Ն. Բիրյուկով**
իրավաբանական գիտությունների
թեկնածու **Լ. Ա. Երեմյան**

Առաջատար կազմակերպություն՝ Երևանի պետական համալսարան

Ատենախոսության պաշտպանությունը կայանալու է 2021 թվականի հուլիսի 19-ին, ժամը 12⁰⁰-ին ՀՀ ԲՈԿ-ի՝ Երևանի պետական համալսարանում գործող իրավագիտության 001 մասնագիտական խորհրդի նիստում (0025, ք.Երևան, Ալեք Մանուկյան 1):

Ատենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ Երևանի պետական համալսարանի գրադարանի գիտաշխատողների ընթերցասրահում:

Սեղմագիրն առաքվել է 2021 թվականի հունիսի 8-ին:

**Մասնագիտական խորհրդի գիտական
քարտուղար՝ իրավ. գիտ. թեկ., դոցենտ**

Տ. Հ. Սուջյան

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Исторические факты ценятся главным образом по своим последствиям.¹ И следует признать, что для государства потеря собственных территорий является поражением и оборачивается значимыми потерями сразу по нескольким направлениям на долгие годы вперед.

Потеря Арменией своих исторических территорий была оформлена рядом договоров, заключенных в начале XX века, которые с момента их заключения и до сих пор являются актуальными и имеют краеугольное значение как для Армении, так и региона и мира, с точки зрения международного права, международных отношений, вопросов мира и безопасности, а также территориальных и геополитических интересов. Так, будучи заключенными *100 лет* назад, эти договоры предрешили границы территорий, в которых Армения и ряд других государств региона, существуют по сей день, тем самым *затронув основные права Армении* как суверенного государства. Таким образом, для Армении, как и других вовлеченных государств, важность определения вопроса действительности договоров, распорядившихся ее территориями и определивших их границы, очевидна уже на уровне их объекта.

Актуальность темы исследования также подтверждается повышенным вниманием к ней на международном уровне. Следует отметить, что значимость рассматриваемых договоров становится наиболее очевидной в периоды возникновения споров между государствами региона, в рамках которых последние, зачастую, делают заявления о необходимости расторгнуть рассматриваемые договоры, апеллируют к вопросу об их действительности и иными всевозможными способами совершают отсылками к ним, пользуясь ими как рычагами давления. Первые подобные попытки были предприняты как сравнительно незадолго после их заключения, например, на Потсдамской конференции 1945 года, так и недавно после трагических событий, произошедших 25 ноября 2015 года, когда турецкими ВВС был сбит российский самолет Су-24. Еще больший интерес международного сообщества к рассматриваемым договорам был проявлен на фоне Арцахской войны минувшего года и сохраняется до сих пор.

Помимо государственных интересов Армении, объективная правовая оценка действительности этих договоров имеет важное значение с точки зрения права международных договоров, в целом, и института недействительности международных договоров, в частности. Так, с научной точки

¹ Ключевский В.О., Сочинения в 9-ти томах. Т.5, М., 1989, с.259.

зрения ценность будет представлять *не только ответ* на вопрос о действительности рассматриваемых договоров *per se*, но и выявленные теоретические и практические *правовые проблемы* на пути поиска ответа на поставленный вопрос, а также *предлагаемые механизмы их решения*.

Проблемы действительности международных договоров также обладают большим теоретическим и практическим значением, так как имеют непосредственное влияние на качество заключения, применения, толкования, изменения и прекращения международных договоров, соблюдения международных обязательств и, как следствие, в целом влияют на эффективность международного права как системы.

Степень разработанности темы исследования. Изучению и освещению проблем рассматриваемых договоров свои *труды* посвятили видный ученый Ю. Барсегов, М. Арзумян, О. Иджикян, Г. Хомизури. Некоторым из договоров посвящен ряд научных статей армянских, российских и зарубежных исследователей. Также следует отметить, что в *некоторой* степени проблемы рассматриваемых договоров были изучены в *диссертационных работах* Е.Саркисяна, Т. Асояна, Н.Шутовой, М. Озтюрка. Однако приходится отметить, что и те и другие в большей степени посвящены *историческим и политическим аспектам* их заключения, нежели правовым.

Несмотря на столетнюю историю существования рассматриваемых договоров, к сожалению, приходится констатировать, что с точки зрения права международных договоров комплексных научно-исследовательских работ в данной области осуществлено практически не было: целый ряд вопросов по-прежнему остается вовсе или недостаточно изученными. Таким образом, на сегодняшний день проблема действительности рассматриваемых договоров является малоизученной.

Объектом исследования является вопрос действительности договоров, касающихся территориальных интересов Армении, заключенных в начале XX века.

Предметом исследования является ряд правовых проблем, возникающих в связи с вопросом действительности рассматриваемых договоров в контексте международного права, действующего как во время их заключения, так и современного международного права.

Основная **цель** автора исследования состоит в *выявлении проблем действительности рассматриваемых договоров, их анализе* в контексте международного права, действующего как во время их заключения, так и современного международного права и, наконец, в *определении вопроса действительности рассматриваемых договоров*.

Указанная цель предполагает решение следующих **задач**:

- последовательное рассмотрение и анализ историко-правовых событий и выявление предпосылок заключения рассматриваемых договоров, определение хронологического перечня договоров, подлежащих дальнейшему анализу и воссоздание юридических фактов, легших в основу их заключения с общей целью создания историко-правового базиса, на основе которого договоры будут анализироваться и оцениваться на протяжении всего исследования;

- исследование и анализ оснований недействительности международных договоров, в рамках которых автор ставит задачу разобрать и проанализировать каждое из них по отдельности, на основе чего определить общую направленность института недействительности международных договоров, целей его функционирования и, наконец, выявить критерии и условия действительности международных договоров;

- определение оснований недействительности международных договоров, подлежащих дальнейшему анализу с точки зрения их применимости к рассматриваемым договорам;

- исследование и анализ рассматриваемых договоров с точки зрения отобранных оснований недействительности, посредством анализа существующих доктрин, государственной, а также судебной практик, в контексте международного права, действующего во время их заключения;

- исследование и анализ рассматриваемых договоров в контексте современного международного права.

Методологическая основа исследования обусловлена многоаспектным характером исследуемой темы, а также тем обстоятельством, что объект исследования связан с событиями прошлого. Методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод познания. Отдельно выделим такие **методы**, используемые автором в рамках исследования как историко-правовой метод, метод реконструкции, метод системного анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод.

Теоретическую основу исследования составили труды следующих юристов: Кортен О. и Клейн П., Дор О. и Шмаленбах К., Эванс М., и Окова П., Фасбендер Б. и Петерс А., Гроций Г., Холис Д., Дженингс Р. и Уотс А., Маланчук П., МакНейр А., Орахелашвили А., Вилиджер М., Уолдок Х., Фицморис Дж., Лаутерпахт Х., Пруча П., Оппенхайм Л., Бурдет А., Барсегов Ю., Дождев Д. и другие.

Проведенное исследование также опирается на труды статейного характера Шамариной О., Резникова А., Акопянца А., Вероста С., Иджикян О., Зограбян Э., Арзуманян М.

Исследование также опирается на труды историко-политического со-

держания Зограбяна А., Багирова Ю., Хейфеца А., Хомизури Г. и других.

В основу исследования также легли материалы подготовительных работ Комиссии Международного Права по разработке проекта статей о праве международных договоров, окончательно сформированных в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года.

Кроме того, базу исследования с обязательностью составили международная судебная и арбитражная практика, а также судебная практика государств.

Отдельную ценность для базы исследования составляют архивные материалы, такие как сборник «Документов внешней политики СССР», сборник «Документов и материалов по внешней политике Закавказья и Грузии», документы, содержащиеся в сборниках «Образование СССР 1917-1924», «Декреты Советской Власти», полное собрание сочинений «Ленин В.И.» и пр.. Документы перечисленных архивных материалов предоставляют широкий круг информации от юридических документов до дипломатических переписок и приказов военного состава, официальных речей, приказов и переговоров, а также информацию мемуарного жанра и воспоминаний очевидцев произошедших событий.

Эмпирическую основу исследования составили непосредственно рассматриваемые договоры, многосторонние и двусторонние международные договоры, иные документы и другие свидетельства внешней политики государств, международная судебная и арбитражная практика, а также судебная практика государств.

Данным исследованием *впервые предпринимается попытка осуществить комплексное исследование международных договоров, касающихся территориальных интересов Армении, подписанных в начале XX века, с точки зрения проблем их действительности* в контексте *международного права*. Таким образом, **научная новизна исследования** демонстрируется на уровне названия ее темы и перечне поставленных задач по выявлению проблем действительности рассматриваемых договоров, решение которых позволили автору:

- выявить, консолидировать, хронологически систематизировать и проанализировать *юридические факты*, легшие в основу заключения рассматриваемых договоров;
- выявить *критерии действительности международных договоров*;
- детально исследовать все известные науке международного права основания недействительности международных договоров *на предмет их применимости к рассматриваемым договорам*;
- выявить *правовые проблемы принуждения*, существующего в двух

формах, как основания недействительности международных договоров; в том числе выявить критерии и проблемы его применения и доказывания;

- представить *новый подход к вопросу времени возникновения отказа международного права от угрозы силой или ее применения* в качестве инструмента разрешения международных споров *и его обоснование*;
- выявить право, действующее для России и Турции в первой четверти XX в вопросе угрозы силой или ее применения в качестве инструмента разрешения международных споров.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В результате исследования демонстрируется, что территориальные границы независимой Армении, на которых столкнулись интересы великих держав, были установлены в результате формального заключения неравных договоров между проигравшими и победившими в агрессивных захватнических войнах сторонами. Заключение рассматриваемых договоров было навязано победившими в них государствами, в результате принуждения, применяемого посредством применения силы как против Армении и ее представителей, так и государств, распорядившихся территорией Армении без согласия последней. Таким образом, договоры, установившие территориальные границы Армении, были заключены либо без участия в них Армении, либо в результате поражения Армении в военных действиях и, как следствие, применимом в ее отношении принуждении. Согласно содержанию этих договоров территории Армении отторгались от последней в пользу победившей стороны-агрессора. Тем самым обосновывается, что в рамках заключения рассматриваемых договоров Армения являлась не субъектом, а объектом международного права.

2. В исследовании обосновывается, что основным критерием действительности международных договоров является согласие, достигнутое договаривающимися сторонами. Следовательно, *a contrario*, основанием недействительности является дефект выраженного согласия. Вышесказанное свидетельствует также о том, что международное право рассматривает договор не в качестве обязательства *per se*, а инструмента согласования воли сторон: важность придается достигнутому *consensus ad idem*.

3. На основе результатов анализа и сопоставления элементов, необходимых для констатации наличия основания недействительности, времени признания оснований недействительности в качестве обычно-правовых норм международного права, и фактических событий заключения рассматриваемых договоров в исследовании обосновывается, что вопрос действительности рассматриваемых договоров подлежит рассмотрению в контексте дефекта согласия на их обязательность, выраженного Арменией в результа-

те двух форм принуждения и действия принципа *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*.

4. Доктрина и государственная практика начала XX века признает договор, заключенный в результате принуждения, примененного в отношении представителя государств недействительным.

Применимое принуждение должно быть выражено в формах психологического или психофизического насилия, в той степени, которая с одной стороны не полностью лишает лицо воли, но и не приравнивается к давлению или иным методам убеждения, присущим переговорному процессу. Иными словами, применяемое принуждение должно быть в степени *conditio sine qua non*, доказывающей причинно-следственную связь между принуждением и выраженным согласием. Принуждение должно быть направлено на физическую неприкосновенность, репутацию и иные сферы частной жизни государственного представителя как физического лица, таким образом, чтобы было очевидно, что выражением согласия, он преследует защиту собственных целей, а не государства, которое представляет. В рамках вышеописанного подлинная воля государства не учитывается или подавляется, что лишает выраженное подобным образом согласие юридической силы.

Более того, в случае, если государство доведено до степени бессилия, лишившего его возможности противостоять, то даже если на момент заключения договора нет очевидных попыток навязать договор силой, а правительство проигравшего государства подписывает договор без демонстрации протеста, то такой договор тем не менее должен считаться недействительным. Сказанное аргументируется тем, что ряд ситуаций, в целом, лишает возможности говорить о свободной воле или волеизъявлении, так как в предлагаемых обстоятельства более не является эффективным инструментом действия.

Состояние Армении на момент заключения Карсского договора, а именно условия, где одна часть Армении была оккупирована турецкими войсками, а другая – занята советскими, также уничтожение военного состава армянской армии, арестов, ссылок и расстрелов всех несогласных, непосредственных жалоб подписанта договора на деспотичность предпринимаемых методов и пр., позволяет обоснованно охарактеризовать его как степень бессилия, лишившая возможности противостоять каким-либо действиям, в ситуации которой протест или отсутствие такого со стороны физического лица лишено смысла и не является эффективным инструментом. Таким образом, Карсский договор не был заключен в результате согласования воли сторон и, как следствие, с точки зрения международного права, действовавшего на время его заключения, может быть признан недействитель-

ным.

5. В результате проведенного исследования выявлено, что общепринятый в международном праве подход придерживается позиции, согласно которой принуждение государства является основанием недействительности международного договора и признается обычной нормой международного права лишь со времени принятия Устава ООН, в рамках которого частью 4-ой статьи 2-ой был впервые закреплен отказ членом организации от угрозы силой или ее применения. Следовательно, согласно принципу *ex injuria jus non oritur*, договор, заключенный в результате применения принуждения в отношении государства, не мог более считаться действительным.

Однако, несмотря на наше согласие с правовыми концепциями, лежащими в основе данного подхода, результаты полученные в рамках исследования позволяют оспаривать непосредственно время отказа международного сообщества от угрозы силой или ее применения. Так, в результате проведенного исследования обосновывается, что уже Вестфальской системой закреплялся правопорядок, лишаящий государства права произвольного начала военных действий и устанавливалось обязательство решения конфликта мирными средствами, сохраняя за государствами право прибегнуть к применению силы в целях восстановления нарушенных прав. В остальных случаях военные действия рассматривались как начатые без причины и, соответственно, считались незаконными. Следовательно, уже Вестфальская система различала категорию агрессора, действия которого считались незаконными. Версальская система в этом отношении продвинулась еще дальше: односторонним договором навязанная в результате агрессии война была провозглашена тяжким преступлением против международной морали.

Помимо того, что уже следствием вышесказанного, руководствуясь принципом *ex injuria jus non oritur*, можно аргументировать недействительность договоров, заключенных под принуждением, в рамках исследования было выявлено, что право рассматриваемого времени, напрямую устанавливало обязательство аннуляции договоров, заключенных государством под принуждением или угрозами. Основа теоретического обоснования такого подхода заключалась в том, что договор между победившей и побежденной стороной или между более и менее могущественными государствами (*неравный договор*), заключенный в результате принуждения, согласно концепции естественной справедливости, содержал естественную внутреннюю несправедливость, которая могла быть устранена либо отменой такого договора либо получением нового свободного согласия на него.

Следовательно, можем сделать вывод, что уже в контексте международного права, действующего в начале XX века, Батумский, Александро-

польский и Карсский договоры, заключенные в результате поражения Армении в военных действиях, в условиях оккупации ее территорий войсками государства-контрагента, указанных договоров, могут быть признаны недействительными.

6. Обосновывается, что для целей исследования состоятельность международного права XX века в вопросе отказа от угрозы силой или ее применения как инструмента разрешения международных споров, ввиду неоднородной государственной практики рассматриваемого периода по данному вопросу не может быть поставлена под сомнение. Так, будучи одним из необходимых элементов обычая, практика обретает значение в степени, обоснованной убежденностью государства в существовании аналогичного правила. В рамках исследования было последовательно выявлено, что как Россия, так и Турция, будучи сторонами рассматриваемых договоров, на момент их заключения, признавали в качестве действующего для них права отказ от угрозы силой или ее применения как инструмента разрешения международных споров. Каждая из сторон провозглашала правила и принципы не только несовместимые, но и прямо запрещающие применение силы, агрессию, насильственное отчуждения территорий других государств, принуждению к вступлению в договорные отношения и пр.. Следовательно, сомнения по поводу действующего права ввиду неоднородности практики международного сообщества по данному вопросу, преодолеваются правом, признанным субъектами рассматриваемых договоров, именно в контексте которого необходимо толковать и оценивать события их заключения, как и непосредственно, вопрос их действительности. Таким образом, с точки зрения права, признанного Россией и Турцией, рассматриваемые договоры также могут быть признаны недействительными.

7. В рамках проведенного исследования обосновывается, что для определения наличия принуждения государства, ведущего к недействительности заключенного им договора нет каких-либо установленных критериев степени применяемого принуждения: акт считается таковым вне зависимости от его тяжести. Степень в данном отношении имеет значение лишь в объеме, необходимом для установления причинно-следственной связи между совершенным актом и выраженным государством согласием. Таким образом, тестом для определения наличия принуждения государства является принуждения применяемое в степени, которой государство было бы доведено до такой степени *бессилия*, которое не позволит ему противостоять давлению стать стороной договора. В этом отношении присущие международному общению влияние или давление в качестве акта принуждения, ведущего к недействительности договора не рассматриваются. Протес, выражае-

мый принуждаемой стороной, также не является обязательным условием, вновь по причине того, что в ряде ситуаций не является эффективным инструментом. Более того, достигнутый сторонами компромисс, в результате которого принуждаемой стороне удастся добиться более выгодных для себя условий, чем были предложены принуждающим государством в самом начале, также не устраняет дефект в согласии принуждаемого государства, и, как следствие, недействительности договора в случае, если будет доказано, что в условиях отсутствия принуждения, государство не выразило бы своего согласия даже на договор, содержащий компромисс сторон. В целях данного исследования особую ценность представляет вопрос доказывания примененного принуждения. Так, в рамках исследования обосновывается, что большая держава может использовать силу против небольшой нации благодаря широкому инструментарию, не имеющему документальных доказательств о виде, форме или способе применения силы, но которые тем не менее являются, бесспорно, реальными и которые, как показала история, стали основаниями заключений договоров и конвенций, сопровождаемые утверждениями о том, что были заключены свободно и должны соблюдаться в соответствии с принципом *pacta sunt servanda*. Заключенные подобным образом договоры не должны рассматриваться в качестве согласованных сторонами, действующими на расстоянии вытянутой руки с равной переговорной позицией, особенно, в случаях, когда договор касается передачи территорий: все сомнения должны толковаться в пользу слабой стороны, которая находится в зависимости от защиты и добросовестности сильного государства.

Как известно, в случае с рассматриваемыми договорами, к перечню описываемых методов принуждения еще и добавляется проявление непосредственной силы в различных формах, таким образом, можем констатировать об удовлетворении необходимого для доказательства причинно-следственной связи между совершенным актом принуждения и выраженным государством согласием.

8. В результате проведенного исследования было выявлено, что международному праву XX века был известен принцип *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* (договоры не наносят вреда и не приносят пользы третьим сторонам). Следовательно, согласно принципу, договор не мог создавать для третьих государств, не являющихся их сторонами, каких-либо обязательств. Обязательство, чтобы считаться таковым, должно было намеренно налагать на третью сторону обязанность вести себя определенным образом или, иначе говоря, определенное правило поведения. Наличие же намерения определялось степенью интенсивности оказываемого влияния на основные пра-

ва государств, к которым, в том числе, относится право, вытекающее из гарантированного международным правом принципа территориальной целостности.

Историко-правовые события заключения Брест-Литовского и Московского договоров, как и их содержание свидетельствуют о преднамеренном распоряжении третьими государствами армянскими территориями, в то время как сама Армения стороной данных договоров не являлась. В частности, согласно данным договорам, на Армению налагалось обязательство отказа от собственных территорий.

Вышесказанным обосновывается, что в части обязательств, наложенных на Армению в результате заключения Брест-Литовского и Московского договоров, применим нарушенный последними принцип *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, в соответствии с которым данные договоры не могут создавать для Армении каких-либо обязательств. Таким образом, нормы, предусмотренные для Армении Брест-Литовским и Московским договорами, с точки зрения международного права не имеют для последней обязательный характер.

9. В рамках проведенного исследования, анализ статей Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года выявил, что норма о недействительности и прекращении договоров, противоречащих новой императивной норме, может быть применена к рассматриваемым договорам в той степени, которой договоры попадают под ее действие вне зависимости от конвенции. В свою очередь ответ на вопрос о конкретном времени признания обычно-правового статуса рассматриваемой нормы в науке международного права отсутствует. Так, указанная неопределенность противопоставляется комплексно оформленной норме об *отсутствии обратной силы договоров*. В результате вышесказанного, выявленный пробел приходится толковать в степени наименьшего ущерба норме об отсутствии обратной силы договоров, и, как следствие, признавать обычно-правовой статус нормы о недействительности и прекращении договоров, противоречащих новой императивной норме с момента ее закрепления в статье 64-ой Венской конвенции о праве международных договоров от 1969 года. Одновременно, в рамках исследования устанавливается, что временем признания международным сообществом императивного статуса нормы о запрете на угрозы силой или ее применения признается момент вступления в силу Устава ООН.

Следовательно, на данный момент признание рассматриваемых договоров недействительными ввиду возникновения императивной нормы о запрете угрозы силой или ее применения не находит уверенных правовых осно-

ваний в контексте современного международного права.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что осуществленный в его рамках анализ может служить консолидированным источником историко-правовых знаний, непосредственно связанных с объектом и предметом исследования. Полученные в рамках исследования результаты также могут быть использованы при осуществлении дальнейших научных исследований института недействительности международных договоров.

При этом **практическая значимость** исследования и полученные в его рамках результаты позволят Республике Армения перестать быть сторонним наблюдателем того, как 100 лет назад вопрос ее территорий решился и продолжает оставаться исключительно в контексте отношений России и Турции, испокон веков, имеющей притязания на армянские территории, но также разработать, как суверенному государству, собственную *обоснованную* позицию и повестку по столь важному для нее вопросу как собственные территориальные интересы. Предвосхищая возможный скептицизм специалистов международного права и политологов, диссертант хочет подчеркнуть, что проведенное исследование и содержащиеся в нем выводы, не имеют целью призвать к пересмотру государственных границ и возврату утраченных территорий. Важность для Армении наличия в своем арсенале разработанной обоснованной с точки зрения международного права позиции по рассматриваемому вопросу не сводится к предъявлению территориальных требований. В первую очередь, ее наличие должно служить эффективным инструментом отстаивания своих позиций во внешнеполитических вопросах будущего и построения диалога с более сильных и обоснованных позиций в последующих переговорах по правовым, геополитическим, политическим и какими бы то ни было другим вопросам государственной значимости.

Помимо вышесказанного, материалы данного исследования могут быть эффективно использованы в процессе преподавания курсов «Международное право», «Международные отношения», «Геополитика: Армения и регион», «Право международных договоров», «Международное договорное право Армении» и пр..

Апробация результатов исследования. Обсуждение диссертационного исследования проводилось на кафедре европейского и международного права Ереванского государственного университета и на кафедре европейского и международного права Российско-армянского университета. Некоторые положения исследования были представлены на международных научно-практических конференциях, а также опубликованы научных статьях таких журналов как «Регион и мир», «Научный Арцах», «Теоретические воп-

росы юриспруденции и вопросы правоприменения» и пр.

Структура исследования обусловлена его целью и поставленными задачами. Диссертация состоит из списка использованных сокращений, введения, трех глав, в совокупности состоящих из восьми параграфов, заключения и списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении диссертации обосновывается актуальность темы исследования, представляется степень ее разработанности, а также объект и предмет исследования, формулируется ее цель и устанавливаются соответствующие задачи. Здесь же автор представляет научную новизну работы и формулирует основные положения, выносимые на защиту. Также во введении в диссертацию указываются методологические, теоретические и эмпирические основания исследования, его теоретическая и практическая значимость, результаты апробации и непосредственно структура работы.

Первая глава диссертации – «Историко-правовые события заключения рассматриваемых международных договоров. Критерии действительности международных договоров. Вопрос применимости оснований недействительности международных договоров к рассматриваемым договорам» состоит из трех параграфов. В рамках данной главы рассматриваются и анализируются вопросы, ответы на которые необходимы для создания базиса дальнейшего исследования.

Так, **первый параграф первой главы диссертации** – «Историко-правовые события заключения рассматриваемых международных договоров», посвящен рассмотрению исторических и правовых предпосылок и последствий заключения рассматриваемых договоров. В частности, в рамках параграфа, выявляется и хронологически демонстрируется перечень подлежащих исследованию международных договоров, далее раскрываются и анализируются события предшествующие их заключению, условия их подписания и последовавшие последствия их заключения. Также с правовой точки зрения рассматривается и анализируется позиция непосредственно Армении в отношении их содержания и ее положение на протяжении переговорного процесса и процесса их заключения. Выводы, сделанные в рамках данного параграфа, составили *фактический базис* дальнейшего исследования, на основе которого рассматриваемые договоры анализировались и оценивались на протяжении всего исследования.

Второй параграф первой главы диссертации – «Критерии действительности международных договоров», посвящен непосредственно выявлению критерия действительности международных договоров, исследованию его значения и необходимости в рамках института права международных до-

говоров, его проблемам и особенностям применения. В указанных целях в рамках параграфа рассмотрены и детально проанализированы все известные международному праву основания недействительности международных договоров и смежные с ними нормы. Также результаты последовательного анализа позволили автору выделить четыре группы оснований недействительности международных договоров, сделать вывод о том, что объединяет эти основания. В результате проведенного анализа автором была определена общая направленность института недействительности международных договоров, цели его функционирования и, наконец, выявлены критерии и условия действительности международных договоров и обоснован общий присущий, практически, всем основаниям недействительности международных договоров критерий их недействительности. Выводы, сделанные в рамках данного параграфа, составили *правовой базис* дальнейшего исследования, на основе которого рассматриваемые договоры анализировались и оценивались на протяжении всего исследования.

Третий параграф первой главы диссертации – «Применимость оснований недействительности международных договоров к рассматриваемым международным договорам» посвящен определению оснований недействительности международных договоров, подлежащих дальнейшему анализу с точки зрения их применимости к рассматриваемым договорам. Указанное осуществляется посредством анализа и сопоставления элементов, необходимых для констатации наличия основания недействительности, времени признания оснований недействительности в качестве обычно-правовых норм международного права, и фактических событий заключения рассматриваемых договоров. В результате, проведенного исследования были выявлены и обоснованы основания недействительности, на предмет применимости которых рассматриваемые международные договоры подлежат дальнейшему анализу. Выводы, сделанные в рамках данного параграфа, составили *практический базис* дальнейшего исследования, на основе которого рассматриваемые договоры анализировались и оценивались на протяжении всего исследования.

Вторая глава диссертации – «Проблемы действительности рассматриваемых международных договоров в контексте международного права, действующего на время их подписания» состоит из трех параграфов. В рамках данной главы рассматриваемые международные договоры анализируются и рассматриваются с точки зрения отобранных оснований недействительности, посредством анализа существующих доктрин, государственной, а также судебной практик, в контексте международного права, действующего во время их заключения.

Так, **первый параграф второй главы диссертации** – «Принуждение представителя государства как основание недействительности рассматриваемых международных договоров в начале XX века», посвящен определению применимости данного основания недействительности к рассматриваемым договорам. В указанных целях в рамках параграфа подробно рассмотрены вопросы свободы согласия договаривающихся сторон и времени возникновения данного принципа, форм применяемого принуждения и его объекты, также вопрос необходимой для констатации наличия принуждения степени насилия и ряд других. Указанные вопросы, в частности, рассматриваются при помощи широкого исследования доктрины и государственной практики рассматриваемого периода. Полученные выводы сопоставлены с фактическими обстоятельствами заключения рассматриваемых договоров, на основании чего сделаны выводы о возможности их признания недействительными в виду заключения в результате принуждения, применяемого в отношении представителя государства.

Второй параграф второй главы диссертации – «Принуждение государства посредством угрозы силой или ее применения как основание недействительности рассматриваемых международных договоров в начале XX века», посвящен определению применимости данного основания недействительности к рассматриваемым договорам. В указанных целях в рамках параграфа выявлен и обосновано оспорен общепринятый в международном праве подход относительно времени признания принуждения государства основанием недействительности международного договора. Рассмотрена проблема неоднородности государственной практики по рассматриваемому вопросу на период времени заключения рассматриваемых международных договоров и представлена концепция ее преодоления, основанная на практике государств, непосредственно являющихся сторонами рассматриваемых договоров. Здесь же рассмотрены вопросы степени применяемого в отношении государства принуждения, необходимой для констатации наличия принуждения в отношении государства и ряд других. Полученные выводы сопоставлены с фактическими обстоятельствами заключения рассматриваемых договоров, на основании чего сделаны выводы о возможности их признания недействительными в виду их заключения в результате принуждения государства посредством угрозы силой или ее применения.

Третий параграф второй главы диссертации – «Принцип *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* как основание недействительности рассматриваемых международных договоров в начале XX века», посвящен определению при-

менимости данного основания недействительности к рассматриваемым договорам. В указанных целях в рамках параграфа данный принцип был подробно рассмотрен с точки зрения момента его возникновения и формирования, сущности составляющих его элементов, необходимых для констатации положения, где договор намеренно накладывал обязательства на третью, не являющуюся стороной договора сторону. В частности, рассмотрен вопрос о критериях определения наличия намерения и ряд других. Полученные выводы сопоставлены с фактическими обстоятельствами заключения рассматриваемых договоров, на основании чего сделаны выводы о том, имеют ли последние обязательный характер для последней или нет.

Третья глава диссертации – «Проблемы действительности рассматриваемых международных договоров в контексте современного международного права: возникновение императивной нормы (*jus cogens*) о запрете угрозы силой или ее применения», состоит из двух параграфов. В рамках данной главы анализируется и рассматривается возможность признания рассматриваемых договоров недействительными с точки зрения современного международного права ввиду возникновения новой императивной нормы о запрете угрозы силой или ее применения, в противоречии с которой были заключены рассматриваемые договоры.

Так, **первый параграф третьей главы диссертации** – «Недействительность международных договоров, противоречащих новой императивной норме международного права (*jus cogens*): общие положения», посвящен исследованию времени возникновения данного основания недействительности международных договоров, а также определению ее обычно-правового статуса и времени приобретения им такого статуса. В результате исследования автором была определена степень и условия возможной применимости данного основания недействительности к рассматриваемым договорам.

Второй параграф второй главы диссертации – «Императивный статус нормы о запрете угрозы силой или ее применения», посвящен исследованию императивного статуса нормы о запрете угрозы силой или ее применения и определению с какого именно момента данная норма приобретает такой статус. В указанных целях в рамках параграфа проведен анализ международной судебной практики, а также практики государств.

На основании результатов диссертационного исследования автор пришел к следующим выводам и общим заключениям:

Комплексное правовое исследование международного договора, в осо-

бенности мирного, невозможно проводить обособленно от историко-политических предпосылок, так как мирный договор, как юридический документ, более всего находится на перекрестке, по меньшей мере, двух дорог: права и политики. Положение дел еще более осложняется с учетом того, что правовые механизмы сильно политизированы, а политические — легализованы.

Так, анализ проблем действительности договоров, касающихся территориальных интересов Армении, заключенных в начале XX века выявил, что в их отношении имеет место быть ситуация, где в силе находятся недействительные с точки зрения международного права политически ангажированные договоры. Особая правовая *странность* рассматриваемых договоров заключается в ряде существующих внутренних противоречий. Наличие данных договоров, как и процесс их заключения является ничем иным как попыткой превращения принуждения в легальный процесс. Сказанное самым непосредственным образом говорит о признании принуждающими сторонами своих действий противоправными и является свидетельством попытки устранить неблагоприятные последствия, возможные для них в будущем.

Тем не менее, абстрагируясь от фактического положения дел, имеющих место в отношении рассматриваемых договоров, справедливым будет отметить, что уже наукой классического международного права демонстрируется достаточно прогрессивный подход в вопросе критериев действительности международных договоров. Отходя от требований формализма, предпочтение отдается наличию фактического согласия государств. Именно такой гибкий подход к вопросу позволяет международному праву, как системе, функционировать, поддерживая баланс между общими интересами международного сообщества и интересами отдельных государств. Тем самым, договор, как формальный инструмент, обладает значением лишь в той степени, в которой отражает истинную волю и достигнутое согласие договаривающихся сторон.

Также, исследование международного права, действующего в первой четверти XX века, приводит к заключению о том, что ее достижения зачастую, умышленно или нет, недооцениваются в пользу международного права второй половины XX века. Однозначно бессмысленным будет отрицать, что с принятием Устава ООН, международное право продвинулось на качественно иную ступень своего развития. Тем не менее, право первой четверти XX века доказывает свою состоятельность и достаточную развитость как с точки зрения доктрины, так и государственной практики. Сказанное

наилучшим образом находит свое доказательство в степени развитости науки и практики международного права первой четверти XX века по вопросу принуждения как основания недействительности международного договора, которое на тот момент уже давно различало и признавало обе формы принуждения (представителя государства и государства как такового). Так, в рамках исследования было выявлено, что международное право начала XX века признает договор, заключенный в результате принуждения, применимого в отношении представителя государств недействительным, устанавливая необходимость наличия трех основных элементов (объекта принуждения, непосредственно акта принуждения и причинно-следственной связи между применяемым в отношении объекта принуждением и выраженным им согласием на обязательность договора), каждый из которых обладает широким базисом обоснований и применения в доктрине и государственной практике, соответственно. В частности, право устанавливает, что особенность данного основания заключается в том, что государства функционируют и выражают свою волю через физических лиц. Тем самым обосновывается, что принуждение, как основание недействительности заключенного им договора, должно быть направлено на физическую неприкосновенность, репутацию и иные сферы частной жизни государственного представителя как физического лица, таким образом, чтобы было очевидно, что выражением согласия, он преследует защиту собственных целей под влиянием страха, а не государства, которое он представляет. Одновременно с тем, принуждение должно быть выражено в формах психологического или психофизического насилия, в той степени, которая с одной стороны не полностью бы лишала лицо воли, но и не приравнивалась к давлению или иным методам убеждения, присущим переговорному процессу. Таким образом, воздерживаясь от повторения аспектов, детально рассмотренных в главах исследования, можно отметить многоаспектный и комплексный характер, с которым право рассматриваемого периода подошло к вопросу принуждения представителя государства как основания недействительности международного договора. В данном отношении справедливым будет сказать, что нами не были встречены подходы, оспаривающие выводы, к которым мы пришли по данному вопросу исследования. В данном случае сложность скорее состоит в малоизученности проблемы, отсутствии консолидации и системного анализа доктринальных подходов и практики, существующие на рассматриваемый период времени и, как следствие, образования пробелов в исследовании правовых проблем, возникающих в связи с данным основанием недействи-

тельности, которые мы попытались заполнить.

Однако несколько иначе обстоит вопрос с принуждением государства посредством угрозы силой или ее применения как основания недействительности международных договоров. Так, согласно общепринятому подходу в науке международного права принуждение государства является основанием недействительности международного договора и признается обычной нормой международного права лишь со времени принятия Устава ООН. Однако, представляется, что в рамках исследования нам удалось, придерживаясь правовых концепций, лежащих в основе данного подхода, оспорить непосредственно время отказа международного сообщества от угрозы силой или ее применения, доказать что такой отказ был оформлен в Вестфальской и Версальской системах; и тогда же напрямую была закреплена необходимость аннуляции договоров, заключенных государством под принуждением. Представляется, что указанный выше общепринятый подход науки международного права к рассматриваемому вопросу в большей степени зиждется на прагматичных столпах, нежели правовых. В частности, отсрочивание времени отказа от угрозы силой или ее применения, как инструмента разрешения международных споров, как следствие, должно будет привести к отказу и от *плодов отравленного дерева*, что с учетом геополитических катаклизмов, произошедших после двух мировых войн, вероятно поставит под удар устоявшийся международный правопорядок.

Что касается справедливых сомнений по поводу вышеизложенного подхода об отказе международного права от угрозы силой или ее применения уже в рамках Вестфальской и Версальской систем, которые могут возникнуть ввиду неоднородности практики международного сообщества по данному вопросу, то на наш взгляд в каждом конкретном случае подобные сомнения могут преодолеваются либо подтверждаться в результате исследования и выявления права, непосредственно действующего для конкретных государств, именно в контексте которого необходимо будет толковать и оценивать те или иные события или явления. Иными словами, государственную практику необходимо рассматривать в синтезе с сопровождающими ее правовыми обоснованиями. В противном случае можно столкнуться с абсурдной ситуацией, когда государства будут оправдывать свои противоправные деяния постоянным нарушением существующих правил, без подкрепления подобного поведения правом.

Отдельный интерес представляет заключение по вопросу недействительности международных договоров, заключенных в начале прошлого сто-

летия, в контексте современного международного права, а точнее, с точки зрения их противоречия новой императивной нормы международного права об отказе от угрозы силой или ее применения. В первую очередь отметим, что норма о недействительности и прекращении договоров, противоречащих новой императивной норме, закрепленная в ст.64-ой Венской конвенции о праве международных договоров от 1969 года, представляет собой исключение из классической доктрины интертемпорального права. Тем не менее, подобное исключения также имеет свои границы. Так, согласно общему положению конвенции, ее нормы могут быть применены только к договорам, которые были заключены после ее вступления в силу, за исключением случаев, когда договор попадает под действие нормы, закрепленной в статье конвенции, в силу международного права, независимо от действия конвенции. Таким образом, в попытках найти доказательства обычно-правового происхождения данной нормы мы пришли к заключению, что несмотря на наличие некоторых доказательств того, что международное право признает наличие норм, от которых не допускаются отклонения задолго до принятия статьи 64-ой Венской конвенции, тем не менее, будучи скудными, ни доктрина, ни судебная практика не дают ответа на вопрос о том, с какого момента будет корректным говорить о признании обычно-правового статуса рассматриваемой нормы в науке международного права, а также с какого именно момента допущенное отклонение приведет к недействительности заключенного договора, что, в своем роде, парализует правоприменение по данному вопросу. Справедливым будет отметить, что подобный пробел противопоставляется уверенно оформленной в международном праве норме об отсутствии обратной силы договоров, в свете чего расширительное толкование сферы действия нормы, закрепленной в статье 64-ой конвенции, не находит достаточного правового подкрепления. Тем самым, за нормой признается обычно-правовой статус с момента ее закрепления в конвенции. Одновременно, было установлено, что наряду с однородностью государственной и судебной практик в вопросе признания императивного статуса запрета на применение силы, декларация этого статуса неизменно отсылается к Уставу ООН. Следовательно, на данный момент признание международных договоров, заключенных до принятия Устава ООН и Венской конвенции о праве международных договоров на основании их противоречия норме о запрете угрозой силы или ее применения, как новой императивной нормы международного права, не находит уверенных правовых оснований.

Подводя итоги работы, представляется, что проведенное исследова-

ние, полученные в его рамках выводы и их обоснования будут служить полезным ресурсом как для Республики Армении, в лице ее органов и должностных лиц, в рамках работы по внешнеполитическим вопросам, нуждающимся в международно-правовой оценке проблем действительности договоров, предрешивших ее современные границы, так и для дальнейшего теоретического изучения и практического понимания института недействительности международных договоров.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. С. Манташян «История развития права международных договоров до вступления в силу Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.» / «Регион и Мир» Научно-аналитический журнал, No. 2, 2019, Ереван, стр. 32-38.
2. С. Манташян «Принуждение представителя государства как основание недействительности международных договоров, заключенных до вступления в силу Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.» / «Регион и Мир» Научно-аналитический журнал, No. 3, 2019, Ереван, стр. 25-30.
3. С. Манташян «Мирные договоры начала XXI века: правовые проблемы определения.» / «Регион и Мир» Научно-аналитический журнал, No. 5, 2019, Ереван, стр. 143-149.
4. С. Манташян «Институт мирных договоров от Вестфалии до Версаля: вклад в современное международное право.» / Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения, Сборник статей по материалам XXIII международной научно-практической конференции No. 5(23), Москва, 2019, стр. 14-21.
5. С. Манташян «Мирный договор как инструмент легализованного принуждения: некоторые способы применения.» / «Գիտական Ընդախի Գիտական Ընդախի», No. 1(2), 2019, 241-248.
6. С. Манташян «Неопределенность как технико-юридический инструмент миротворческого процесса.» / «Молодой ученый» международный научный журнал, No. 19, 2019, стр. 218-220.
7. С. Манташян “Emergence of new peremptory norm of international law as ground for invalidation of conflicting to it international treaties: some issues of application.” / III-IV International Multidisciplinary Conference “Innovations and Tendencies of State-of-Art Science, Rotterdam, Nederland, February, 2021, p.54.

ՄԱՆԹԱՇՅԱՆ ՍՈՆԱ ԱՐՄԵՆԻ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՏԱՐԱԾՔԱՅԻՆ ՇԱՀԵՐԻՆ ՎԵՐԱԲԵՐՎՈՂ XX դարի ՍԿԶԲԻՆ ՍՏՈՐԱԳՐՎԱԾ ՊԱՅՄԱՆԱԳՐԵՐԻ ՎԱՎԵՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԽՆԴԻՐԸ

ԱՄՓՈՓԱԳԻՐ

XX դարի սկզբին կնքված մի շարք միջազգային հաշտության պայմանագրերով, ի թիվս այլնի, կանխորոշվեցին Հայաստանի և տարածաշրջանի հարևան այլ պետությունների տարածքային սահմանները, որոնցում վերջիններս շարունակում են գոյություն ունենալ առ այսօր: Տվյալ պայմանագրերով իրավական ձևակերպում ստացավ Հայաստանի պատմական տարածքների կորուստը, ինչով իսկ այդ փաստաթղթերը ուղղակիորեն ներգործություն ունեցան Հայաստանի՝ որպես ինքնիշխան պետության, հիմնարար իրավունքների վրա և շարունակում են ունենալ մինչ այժմ: Այսպիսով, Հայաստանի համար խնդրո առարկա պայմանագրերի վավերականության հարցը անկյունաքարային նշանակություն ունի արդեն իսկ դրանց օբյեկտի մակարդակում:

Հետազոտության թեմայի արդիականությունը դրսևորվում է նաև նրանում, որ այն պարունակում է միջազգային պայմանագրերի անվավերության ինստիտուտի խորը ուսումնասիրություն և վերլուծություն, ինչպես նաև դրա շրջանակներում առկա տեսական և պրակտիկ խնդիրների բացահայտում, այնուհետ վերջիններիս լուծման մեխանիզմների ձևավորում: Հետազոտության շրջանակներում ուսումնասիրության առարկա հանդիսացող վավերականության կատեգորիան՝ հանդիսանալով միջազգային պայմանագրերի իրավունքի համակարգման տարր, ուղակի ազդեցություն ունի ոլորտի գործունեության որակի, որպես հետևանք նաև միջազգային պարտավորությունների կատարման և առհասարակ միջազգային իրավունքի համակարգի արդյունավետության վրա: Վերոգրյալը հատկապես ակնհայտ է դառնում հաշվի անելով միջազգային հանրության կողմից որպես վերջինիս գլխավոր նպատակներից մեկը ամրագրված միջազգային խաղաղության և անվտանգության պահպանումը, որի իրագործման գործիքներից մեկն է միջազգային վեճերի խաղաղ, և դրանք պայմանագրային եղանակով լուծումը:

Հետազոտության գիտական նորույթը: Սույն հետազոտության միջոցով առաջին անգամ փորձ է արվում իրականացնել Հայաստանի տարածքային շահերին վերաբերվող XX դարի սկզբին կնքված պայմանագրերի համապարփակ ուսումնասիրություն՝ վերջիններիս միջազգային իրավունքի համատեքստում վավերականության խնդիրների

տեսակետից: Հետևաբար, հետազոտության գիտական նորությունը արդեն իսկ արտացոլվում է իր անվանման, ինչպես նաև հեղինակի կողմից դրված խնդիրների մեջ, որոնց լուծումը վերջինիս թույլ է տվել.

- բացահայտել, կոնսոլիդացնել, ժամանակագրական համակարգման և վերլուծության ենթարկել ուսումնասիրվող միջազգային պայմանագրերի կնքման հիմքում ընկած իրավական փաստերը,

- բացահայտել միջազգային պայմանագրերի վավերության չափանիշները,

- մանրամասն վերլուծության ենթարկել քննության առարկա միջազգային պայմանագրերի նկատմամբ՝ միջազգային իրավունքի գիտությանը հայտնի միջազգային պայմանագրերի անվավերության բոլոր հիմքերի կիրառելիության հնարավորության հարցը,

- բացահայտել գոյություն ունեցող երկու տեսակի հարկադրանքի՝ որպես միջազգային պայմանագրերի անվավերության հիմք, իրավական խնդիրները, ինչպես նաև բացահայտել դրա կիրառման և ապացուցման չափանիշները և խնդիրները,

- ներկայացնել նոր մոտեցում և դրա հիմնավորումը առ այն, թե երբ է միջազգային իրավունքը հրաժարվել ուժի գործադրումից կամ դրա սպառնալիքից որպես միջազգային վեճերի կարգավորման միջոցից,

- բացահայտել Ռուսաստանի և Թուրքիայի համար ուժի գործադրման կամ դրա սպառնալիքի հարցի տեսակետից, որպես միջազգային վեճերի կարգավորման միջոց, XX դարի առաջին քարոզչություն գործող իրավունքը:

Հետազոտության տեսական նշանակությունը կայանում է նրանում, որ դրա շրջանակներում իրականացվող վերլուծությունը կարող է ծառայել որպես ուսումնասիրության օբյեկտի և առարկայի հետ անմիջականորեն առնչվող պատմական և իրավական գիտելիքների համախմբված աղբյուր: Ուսումնասիրության շրջանակներում ձեռք բերված արդյունքները կարող են արդյունավետ օգտագործվել նաև միջազգային պայմանագրերի անվավերության ինստիտուտի հետագա գիտական հետազոտությունների իրականացման ընթացքում:

Ատենախոսությունը բաղկացած է օգտագործված հապավումների ցանկից, ներածությունից, երեք գլուխներից, որոնք ներառում են ութ պարագրաֆ, եզրակացությունից և օգտագործված աղբյուրների ցանկից:

SONA ARMEN MANTASHYAN

**PROBLEMS OF THE VALIDITY OF INTERNATIONAL TREATIES
RELATING TO TERRITORIAL INTERESTS OF ARMENIA
SIGNED AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

SUMMARY

A number of international peace treaties signed in the early XX century, among other provisions, defined the territorial boundaries of Armenia and other neighboring countries in the region, in which the latter continue to exist to this day. Under these treaties, the loss of its historical territories by Armenia was legalized, and consequently these documents had a direct impact on the fundamental rights of Armenia as a sovereign state, and continue to have to this day. Thus, the issue of the validity of the subject matter treaties for Armenia is of cornerstone already at the level of their object.

The actuality of the research thesis is also manifested in the fact that it contains an in-depth study-analysis of the institute of invalidity of international treaties, as well as the identification of theoretical and practical problems within it, and then the development of mechanisms for their solution. The category of validity, which is the subject of the research, being the coordinator of the law of international treaties, has a direct impact on the quality of the whole sphere of subject matter branch, as well as the fulfillment of international obligations and the effectiveness of the international law system in general. Abovementioned becomes especially evident from international community's main goal's point of view, which is to maintain international peace and security, one of the tools of which is the peaceful settlement of international disputes also via concluding international treaties.

The scientific novelty of the research thesis. Present research is the first attempt to conduct comprehensive study of the treaties concluded in the early twentieth century concerning the territorial interests of Armenia from their validity issues point of view in the context of international law. Consequently, the scientific novelty of the research is already reflected in its title, as well as in the problems set by the author, the solution of which was allowed the latter:

- to identify, consolidate, chronological coordinate and analyze legal facts underlying the conclusion of the international treaties in question,
- to identify the criteria of the validity of international treaties,
- to examine in detail all the known to the international law science grounds of invalidity of international treaties on the subject of their applicability

to the subject matter international treaties,

- to identify the legal problems of existing in two forms coercion, as grounds for the invalidity of international treaties; and to identify the criteria and problems of its application and proof,
- to present a new approach to the issue of the time when international law renounces the threat or use of force as an instrument for settlement of international disputes and justification of such approach,
- to identify the law, which was in force for Russia and Turkey in the first quarter of the XX century from the threat or use of force, as an instrument for settlement of international disputes, point of view.

The theoretical significance of the research thesis rests upon the fact that the analysis carried out within its framework can serve as a consolidated source of historical and legal knowledge directly related to the object and subject of the research. Furthermore, the results obtained in the framework of the research can also be used in the implementation of further scientific research of the institute of the invalidity of international treaties.

The structure of the research is determined by its purpose and objectives. The thesis consists list of used abbreviations, the introduction, three chapters, that include eight paragraphs, the conclusion and a list of used sources.